

Сегодня народной артистке СССР, лауреату Ленинской премии Галине Сергеевне Улановой исполнилось шестидесят лет. О ней написано и еще будет написано необычайно много. «О балете очень трудно писать, труднее, чем рассказывать словами о музыке», — говорит академик Б. Асафьев. И я отнюдь не посягаю на соперничество с исследователями-специалистами. Я хочу рассказать только о личном впечатлении от одного спектакля с Улановой, впечатлениями, которое длится всю жизнь. Думаю, в этом рассказе найдется что-либо общее с впечатлениями того легionsа зрителей, кому повезло увидеть величайшую танцовщицу современности на сцене.

БЫЛА зима — ноябрь или декабрь 1943 года. В ту пору в нашем городе работал Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова. И девочки в нашем классе все уши нам прожужжали: «Ах, Кашеварова, Фрейндов, Нэлепп, ах, Уланова, Дудинская, Сергеев!» Хотя мы и считали все это девчачьей блажью, но все-таки сверлило в душонок: надо бы хоть одним глазком глянуть на это чудо. Только чудо-то было от нас за семью замками. Во всем классе капиталу — и на один билет не наскрести. Да и поди, достань его, если все на много дней вперед распродано.

Но мы с дружкой моим Бобкой Никольским решили, во что бы то ни стало пройти. Театр был обнесен глухим забором. И всего три входа: парадный, прямо в здание, слева деревянная будка, встроена в забор со сквозными дверями. — «служебный» вход, и еще ворота

конца, и Бобка влез в тамбур. За ним и я. Внутренняя створка двери была лишь приотворена.

Но едва мы проскользнули в коридор, нас заметили. Мы — в разные стороны. Бобку сцапали, а я дунул по какой-то лестнице все вверх, все вверх и очутился в подковообразном коридоре галерки. Ну, а затеряться

Девушка стояла в белой, прозрачной, пышной юбке и в синем со шнуровкой корсажке. Она еще ничего не сделала, пальцем не шевельнула, а уже охватило меня ожидание, предвкушение или предчувствие чего-то от одной этой позы. И уже после первого движения, когда юноша вышел из-за угла и она бросилась навстречу, —

«Одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия», — писал Пушкин. «Балет делает из слышенного зримое, и танец Улановой — всегда мелодия», — заметил один из искусствоведов.

Вот этой-то мелодии я, естественно, и не мог уловить тогда, совершенно не подготовленный к восприя-

Вот что писал об этом балете В. Голубов (Поганов): «Жизель» сочиняли для определенной исполнительницы — для Карлотты Гризи, но балет этот живет куда дольше тех спектаклей, которые созданы «вообще», без учета индивидуальных особенностей исполнителей. До сих пор наилучшей Жизелью считалась А. Павлова. По свидетельству очевидцев, она в первом акте исторгала слезы. История «Жизели» знает различные трактовки образа главной героини, и трудно сказать — кого из своих предшественниц Уланова больше всего напоминает, но ее толкование в значительной степени отвечает нашему современному представлению о стиле и методах сценического воплощения этого балета». И еще: «Улановой хотя и подражают, но тщетно, настолько в ней силен отпечаток индивидуального»...

Нельзя сказать, чтобы я вот так сразу после того спектакля и полюбил балет. Но меня уже не могло не тянуть к нему, а потом малопомалу пришло какое-то понимание.

И я благодарен судьбе, что мой путь к пониманию прекрасного в искусстве и в жизни начался с Галины Улановой в «Жизели».

А. ОЖЕГОВ.

ПУТЬ К УЛАНОВОЙ

позади театра — для машин. Все три были для нас заказаны. Да мы на них и не рассчитывали.

Но что темным вечером для двух сорванцов самый высокий забор? Перемахнули, как родной порог. А вот дальше — полная неизвестность. Обошли на ощупь стены — открыты только широкие, как в сарае, двери тыльной стены. Но там довольно светло и народу кишмя кишит — деморации, что ли, за-таскивают.

В боковой стене нашли еще вход, но он оказался заперт. Двери — двойные с застекленными верхами. Сквозь них виден кусок узенького коридора. Кусочек наружного стекла отломлен. Мы стали доламывать его до

здесь было проще пареной репы. Пальтишко и шапку я скинул, скомкал и держал подмышкой.

Сесть мне было некуда, и я стоял в проходе. Пока играла музыка, я успел провинтиться к барьеру. Я даже не знал, какой в этот вечер шел спектакль. В заботах и волнениях, как нам сюда попасть, мы с Бобкой как-то не удосужились посмотреть на афиши. А спрашивать сейчас было, конечно, неловко.

Но вот занавес раздвинулся, и по рядам задышало: «Уланова - Уланова - Уланова».

Она вышла из двери дома и остановилась в недоумении. Это только что нарядный юноша постучал в дверь, а сам спрятался за угол.

начинаешь ждать — а что же дальше. И так все время — что за этим, что еще дальше? Ничего поражающего, но все — завлекает.

Я не знал, не понимал языка, на котором со мной разговаривали. И все же, во всяком случае в первом акте, мне не надо было подстрочника: я хорошо разобрался в том, что происходит.

Но я, по неопытности, следил только за сюжетом. Лишь много лет спустя попалось мне высказывание автора либретто этого балета Теофиля Готье: «Сюжет (в балете) может не иметь ни начала, ни конца, ни середины — это нам совершенно безразлично: истинный, единственный, вечный сюжет балета — это танец».

тию необычного. Но танец, непосредственное обаяние таланта Улановой никого не могло оставить безучастным. Трагическая и нежная Уланова призывала к верности, мужеству. И потому дошла до меня старинная история девушки с неудавшейся судьбой, но сохранившей достоинство сопротивления, что Уланова поведала мне ее с точки зрения современности.

Лишь наутро я узнал, на каком спектакле побывал — «Жизель» — один из старейших и наиболее заслуженных спектаклей. Любимый балет Чайковского. Эмблема эпохи романтического балета. Излюбленная партия Улановой. Именно в «Жизели» еще в 1932 году четко оформилось ее дарование.